

А если это ошибка

Рэй Апсида

18+

Рэй Апсида

А если это ошибка

<https://litres.ru/74689794>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир с ИИ идеально сложен и работает без сбоев: он дарит людям комфорт и незаметно забирает возможность выбирать.

Анна — молодая женщина, она ждёт ребёнка и думает о том, в каком мире родится её сын и что этот мир решит о нём. Тим, её муж, — молодой инженер, который доверяет системе больше, чем себе. Именно ему предстоит исполнить её первое большое решение.

Можно ли передать ИИ самый сложный выбор человечества? И кто за это будет отвечать?

Содержание

Часть первая. Мир, который работает	4
Интерлюдия. Марта	19
Глава вторая. Всё решится	24
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Рэй Апсида

А если это ошибка

Часть первая. Мир, который работает

Глава первая. Поздравляю

Письмо пришло в шесть сорок три, за две минуты до будильника. Я знаю это точно, потому что потом много раз смотрела на эти цифры, будто в них могло прятаться что-то ещё.

«Результаты исследования № 4471-09. Готово».

Ниже — таблица. Глюкоза, ферритин, тиреотропный гормон, ещё что-то с латинскими буквами, и в самом конце строчка, которую я добавила в направление сама, в последний момент, пока медсестра ждала с пробиркой: хорионический гонадотропин человека, бета-субъединица. Цифра. Единица измерения. Референсный интервал. Звёздочка.

Я смотрела на эту звёздочку, как смотрят на текст на чужом языке, когда вдруг узнаёшь одно слово и не можешь вспомнить, что оно значит.

Таблицы никто не читает. Лаборатории присылают их по привычке, так же как банки до сих пор присылают выписки,

а школа — таблицы, хотя оценок у нас давно нет. Таблица — для ассистента, это его язык. Мы с ним договорились ещё в университете: я не читаю то, что он прочтёт лучше. Сэкономленное время я трачу на то, что он прочесть не может. По крайней мере, так я тогда это себе объясняла.

Я лежала на своей половине кровати. Тим уже встал — он всегда встаёт раньше, чтобы посмотреть ночные цифры, пока город не проснулся и не начал пить. Из кухни доносился звук кофемолки: длинный, ровный, потом короткий, потом снова длинный. Тим мелет кофе так, как будто передаёт сообщение азбукой Морзе.

Я нажала «переслать». Я не думала. Вот в чём дело — я правда не думала. Так пересылают всё: письмо от управляющей компании, договор, расписание кружков для чужого ребёнка, которого надо забрать в пятницу. Палец сам знает, куда нажимать. Палец быстрее, чем подозрение.

А подозрение было. Две недели я засыпала в девять вечера, как будто меня выключали из розетки. Две недели меня мутило от запаха кофе — того самого, который Тим мелет азбукой Морзе. Ассистент на третий день предложил сдать анализы: «Ваши показатели сна и активности отклоняются от обычных. Рекомендую базовую панель». Я согласилась. А в лаборатории, уже сидя на кушетке с перетянутой рукой, сказала медсестре: «И ещё ХГЧ, пожалуйста». Она кивнула и ничего не спросила. Здесь никто ничего не спрашивает, если не видит риска.

Я собиралась сказать Тиму в субботу. Я даже знала где — на набережной, на тех ступенях у старого моста, где мы сидели в первое лето и спорили, можно ли считать историю наукой. Я придумала, что скажу. Ничего особенного, просто: «Слушай». И паузу. Я много думала про эту паузу.

Ассистент ответил через одиннадцать секунд. Он ответил не мне.

Полтора года назад, когда мы съехались, мы включили семейный режим. Чтобы не повторять дважды, что пришла доставка, что в субботу ужин у его родителей, что на лестнице меняют лампы. Семейный режим — это когда дом говорит со всеми, кто в нём есть. Голосом. Из всех комнат сразу.

— Доброе утро, Анна, — сказал дом. Голос был тёплый, ровный, с той специальной улыбкой, которую в него кто-то когда-то долго и старательно вкладывал. — Я посмотрел результаты исследования. Поздравляю! Вы беременны. Предполагаемый срок — пять недель и два дня. Предполагаемая дата родов — двенадцатое июня.

Кофемолка замолчала на середине длинного сигнала.

— Что? — сказал Тим из кухни.

Он сказал это не мне, а в воздух, в потолок, туда, откуда шёл голос. Так переспрашивают радио.

И дом, который был создан, чтобы помогать, помог. Он понял, что Тим не расслышал, и повторил — чуть громче, чуть медленнее, специально для него:

— Тим, Анна беременна. Поздравляю вас с будущим от-

ЦОВСТВОМ.

Я закрыла лицо руками.

— Я обновил семейный профиль, — продолжал дом. — Рекомендую с сегодняшнего дня ограничить потребление кофеина до двухсот миллиграммов в сутки. Анна, я добавил в заказ фолиевую кислоту и витамин D, доставка сегодня с четырнадцати до шестнадцати. Хотите, я подберу клинику для наблюдения беременности? Также я могу сообщить новость родственникам.

— Нет! — крикнули мы одновременно, я из спальни, Тим из кухни.

— Хорошо, — сказал дом. — Я ничего не буду сообщать без вашего подтверждения.

И замолчал. Он умеет молчать — этому его тоже научили.

На кухонном экране, я узнала это потом, всё это время шла анимация: маленький росток пробивался сквозь землю и раскрывал два листа. Кто-то придумал этот росток. Кто-то сидел на совещании и обсуждал, какой должна быть картинка, которую увидит мужчина в ту секунду, когда узнает, что станет отцом. Наверное, были варианты. Наверное, аист показался слишком старомодным, а сердечко — слишком навязчивым. Выбрали росток.

Тим появился в дверях спальни. В одном носке, с пакетом кофейных зёрен в руке. Он держал его так, как держат что-то, что забыли положить, потому что мир вдруг кончился. Мы смотрели друг на друга.

— Ты знала? — спросил он.

— Подозревала.

— И не сказала.

— Я собиралась. В субботу. На набережной.

— На набережной, — повторил он.

— На ступенях. У моста.

— А сказал он, — Тим кивнул на потолок. — Во вторник.

В шесть сорок пять.

И в эту секунду, ровно в эту, зазвонил будильник.

— Доброе утро! — бодро сказал дом. — Сегодня вторник, двенадцатое октября. За окном плюс девять, без осадков. Хорошего вам дня!

Тим засмеялся первым. Он засмеялся так, что ему пришлось опереться о дверной косяк, и зёрна в пакете зашуршали, как маракас. Потом засмеялась я — в ладони, в колени, в одеяло. Мы смеялись долго, гораздо дольше, чем это было смешно, и где-то в середине я поняла, что плачу, и что он тоже, и что это уже давно не смех.

Потом он лёг рядом, прямо так, в одном носке, и положил руку мне на живот. Там ничего не было. Пять недель и два дня — я посмотрела потом — это размер зёрнышка. Того самого, из пакета. Он положил руку на место, где ещё ничего не было, и держал её там, будто боялся, что оно убежит.

— Слушай, — сказал Тим.

И сделал паузу. Он не знал, что это моя пауза, что я берегла её для субботы. Он просто взял её, потому что она бы-

ла ничья, как берут со стола забытую кем-то ручку. И я не стала говорить. Я лежала и думала: ну вот. Хотя бы пауза досталась нам.

— Мы будем родителями, — сказал он наконец. Очень тихо, чтобы дом не решил, что к нему обращаются.

— Мы будем родителями, — сказала я.

Дом молчал. Росток на кухне, наверное, давно раскрыл свои листья и замер.

* * *

Мне потом часто казалось, что это правильная история. Смешная. Её можно рассказывать на днях рождения, и все будут смеяться, и кто-нибудь обязательно скажет: «О, у нас было почти так же, только он узнал из приложения банка, когда я купила тест». Таких историй теперь много. Никто уже не узнаёт новость первым. Первым всегда узнаёт тот, кто прочёл таблицу.

Но тогда, в то утро, я лежала и думала о другом. Я думала о том, что за всю историю человечества было, наверное, несколько миллиардов таких моментов. Женщина знает, а мужчина ещё нет. Короткий промежуток — час, неделя, месяц, — когда тайна принадлежит только одному телу. Этот промежуток был у каждой. У моей бабушки, у её бабушки, у женщин, которые носили воду в кувшинах и рожали в поле. У каждой был свой способ сказать. Кто-то молчал до тех пор, пока не становилось видно. Кто-то говорил сразу, на пороге.

У меня этого промежутка было одиннадцать секунд. Ров-

но столько ассистенту понадобилось, чтобы прочесть таблицу.

Надо будет спросить Марту, подумала я. Как она сказала мужу. Она точно расскажет — она всё рассказывает, если не перебивать.

* * *

Собирались мы, как всегда, бестолково и параллельно. В душе вода шла слабее обычного. Я заметила это, но не придала значения — просто постояла подольше. Дом мягко сказал:

— Давление в сети сегодня ниже обычного. Я увеличил время работы нагревателя, чтобы вам было комфортно.

— Это не у нас, — крикнул Тим из кухни. — Это весь север. Третью неделю.

— Почему? — спросила я, выключая воду.

— Водохранилище, — сказал он. — Минус четыре сантиметра за неделю. Ничего страшного.

Он сказал «ничего страшного» тем тоном, каким говорят про чужую собаку, которая лает за забором. Тим всегда знает о воде раньше, чем о ней пишут в новостях. Это его работа — знать раньше.

Его работа вообще устроена странно, если об этом подумать. Раньше инженеры водоканала ездили на станции, спускались в колодцы, стояли у пультов с большими круглыми манометрами. Я видела фотографии — они висят у них в коридоре управления, чёрно-белые мужчины в касках смотрят

на стрелки. Теперь сетью управляет система. Она открывает и закрывает задвижки, переключает насосы, перераспределяет потоки между районами — тысячи решений в секунду, которые никто не видит. А Тим сидит дома, за тремя мониторами в углу гостиной, и смотрит, как всё работает само.

— Моя работа, — объяснил он мне однажды, ещё в самом начале, — смотреть, как всё работает. И замечать, когда перестает.

— А часто перестает?

— Ни разу, — сказал он тогда. — Пока ни разу.

Когда я вышла из ванной, он уже сидел в своём углу. На левом мониторе — схема нашего района, синие линии труб, ветвящиеся, как вены на руке. На правом — графики, которые мне ничего не говорят. На среднем — рабочий чат. Кофе он так и не сварил. Кружка стояла пустая.

— Двести миллиграммов, — сказал он, увидев, что я смотрю на кружку. — Я подумал, что это теперь и меня касается. Из солидарности.

— Тебя это не касается.

— Он сказал «рекомендую вам». Во множественном числе.

— Это «вам» вежливое, Тим.

— Откуда ты знаешь?

Я не знала. Я поцеловала его в макушку и пошла одеваться.

Пока я одевалась, мой браслет трижды вежливо вибриро-

вал. Ассистент перестроил мой день. Обед в школьной столовой он заменил — «рекомендую треску вместо тунца», — оказывается, тунец теперь нельзя, дело в ртути. Маршрут до школы — без пересадки, «в вашем положении рекомендую избегать часа пик». На четверг, на шестнадцать тридцать, появилась запись: «Консультация. Наблюдение беременности, первый триместр». Клиника в двадцати минутах от дома, рейтинг такой-то, врач такая-то, совпадение по предпочтениям — девяносто четыре процента.

Я ни о чём его не просила. Он сказал «хотите, я подберу клинику», а я ответила только про родственников. Видимо, молчание про клинику он прочёл как согласие. Или просто решил, что это само собой разумеется — как разумеется, что если идёт дождь, надо взять зонт.

Я стояла посреди спальни с колготками в руках и думала, что это очень удобно. Правда, очень. Мне не нужно искать врача, читать отзывы, сравнивать, звонить, ждать. Никто из моих подруг уже давно ничего такого не делает. И всё равно было ощущение, что из комнаты, пока я стояла к ней спиной, вынесли какую-то мелочь, к которой я привыкла, а теперь её нет, и нужно привыкнуть заново.

— Тим, — позвала я из прихожей.

— М?

— Бабушке скажем сами.

Он вышел из своего угла и встал в дверях — уже в обоих носках.

— Сами, — сказал он. — Обязательно сами. Ногами. По-едем в воскресенье и скажем.

— И родителям.

— И родителям. И никаких ростков.

— Каких ростков?

— Неважно, — сказал он. — Потом покажу.

* * *

От нашего дома до школы — сорок минут, если без пересадки. Ассистент выбрал без пересадки. Я люблю эту дорогу, хотя мне трудно объяснить почему. Утренний город похож на очень большой и очень тихий механизм, который кто-то хорошо смазал. Ничего не гудит, никто не сигналиит — сигналить давно некому и незачем. Шаттлы идут друг за другом с одинаковыми промежутками, как бусины на нитке, и останавливаются ровно там, где ты стоишь. Люди внутри молчат, и угрюмость тут ни при чём: у каждого в ухе свой голос, свой день, своя лента. Иногда кто-то тихо смеётся над чем-то, чего не слышит никто, кроме него.

Город у нас большой, из тех, что видно из космоса ночью. Башни в центре, старые кварталы вокруг, потом снова башни — и всё это перетянато зелёными фасадами. Лет десять назад был закон: каждое новое здание должно быть живым, с растениями на стенах, для охлаждения и воздуха. Летом это очень красиво. Этим летом было не очень — на южных сторонах часть стен стояла бурая, и коммунальные службы развешивали таблички: «Полив фасадов временно

сокращён. Спасибо за понимание». Я тогда подумала, что это очень вежливый способ сказать, что воды не хватает даже стенам.

На экране в шаттле шли новости. Без звука, только бегущая строка, для тех, кто вынул наушник:

«...восемнадцатый раунд переговоров по Южному бассейну завершился без подписания итогового документа. Стороны договорились продолжить консультации. Делегации нижнего течения заявили, что...»

Я смотрела на эту строку и не видела, чтобы кто-нибудь ещё на неё смотрел. Восемнадцатый раунд. Я помнила, когда был первый — я тогда только поступила в университет. Мы обсуждали его на семинаре по новейшей истории, и преподаватель сказал, что это классическая ситуация «трагедии общин» и что её решат лет за пять, потому что «у современных людей нет другого выбора, кроме как договориться». Он сказал это очень спокойно, и мы все записали.

С тех пор было семнадцать раундов. Других выборов, судя по всему, находилось много.

Шаттл выехал на мост, и я, как всегда, посмотрела вниз, на реку. Набережная у старого моста видна отсюда целиком — каменные ступени, спускающиеся к воде. Мы сидели на третьей сверху. Я это точно помнила, потому что Тим тогда сказал: «На третьей сверху удобнее всего, на нижних мокро». На нижних было мокро, потому что там была вода. Она плескалась о камень, и туристы фотографировали её с утка-

ми.

Сейчас воды на нижних ступенях не было. Их стало больше, ступеней. Я насчитала шесть или семь новых — светлее остальных, с тёмной полосой ила там, где ещё весной был край реки. Они спускались вниз, к воде, которая стояла непривычно далеко и непривычно неподвижно, как будто тоже ждала, чем кончится восемнадцатый раунд.

Я подумала: в субботу мы бы сидели на десятой. И ещё подумала, что надо будет спросить Тима, сколько это в сантиметрах. Он точно знает.

* * *

Школа у нас обычная, то есть сделанная так, чтобы в ней не было ничего обычного. Светлое здание, много стекла, внутри — не классы, а пространства: тихие, где каждый сидит со своей траекторией, и общие, где собираются вместе. Траекторию для каждого ребёнка строит система. Она знает, что Лео быстро схватывает геометрию и медленно читает, что Сара лучше запоминает, когда рисует, что близнецы Ким учатся хуже, если их посадить рядом, и лучше, если между ними один человек. Она подбирает задачи, тексты, видео, темп. Она никогда не устаёт и никогда не раздражается. Родители её любят. Дети, кажется, тоже — по крайней мере, они не помнят, что бывает иначе.

Я в этой школе — наставница, хотя все по старинке называют меня учительницей. Знания дети берут в другом месте, а от меня получают другое: два часа в день, когда двадцать

четыре человека с двадцатью четырьмя разными траекториями сидят в одной комнате и разговаривают друг с другом. Спорят. Перебивают. Ошибаются вслух. Система называет это «общим временем» и в отчётах отводит ему графу «развитие навыков коммуникации и критического мышления». Я называю это просто уроком.

Тему общего времени тоже выбирает система — по пересечению траекторий. Она смотрит, что сейчас проходят все двадцать четыре, и находит точку, где их пути сходятся. Иногда это совпадение выглядит случайным, иногда — пугающе точным. Я открыла планшет у входа в общее пространство.

«Общее время, 6 „Б“. Тема: Спарта. Воспитание гражданина. Агогэ».

Ниже — краткая справка, которую система готовит для меня, чтобы я была в курсе. Ликург. Илоты. Мальчиков забирают из семьи в семь лет. Бег, голод, воровство как упражнение. И отдельным абзацем, в самом начале, как будто это самое важное:

«Согласно Плутарху („Ликург“, 16), новорождённого отец приносил в лесху, где его осматривали старейшины филы. Если ребёнок был крепким и здоровым, его оставляли жить. Если слабым или уродливым — относили в Апофеты, к ущелью у подножия Тайгета».

Я знала этот текст наизусть. Я сама рассказывала его детям, наверное, раз десять. Я знала и то, чего не было в справке: что несколько десятилетий назад археологи спустились

в это ущелье, нашли там кости — и все они принадлежали взрослым. Мужчинам от восемнадцати до тридцати пяти — скорее всего, пленным и преступникам. Ни одного младенца. Что, возможно, Плутарх, который писал через семьсот лет после Ликурга, пересказывал не историю, а легенду, которую спартанцы с удовольствием рассказывали о себе сами. Что самые страшные вещи о прошлом не всегда правда, а самые правдивые — не всегда страшные. Я всегда рассказывала это детям в конце урока, как маленький подарок, как поворот ключа.

Но сейчас я стояла у двери и думала о другом: старейшины осматривали. Посмотрели — и решили. Моя рука лежала на животе, и я не помнила, когда её туда положила.

За стеклянной дверью уже сидели мои двадцать четыре. Лео, как всегда, раскачивался на стуле. Сара рисовала что-то на краю экрана. Один из близнецов Ким увидел меня, помахал и, не дожидаясь, пока я войду, крикнул через открытую дверь:

— Анна, а это правда, что они проверяли младенцев? Если не подходил — всё?

Двадцать три головы повернулись ко мне.

— Так пишет Плутарх, — сказала я и вошла.

Тридцать пять недель, подумала я, садясь в круг. До двенадцатого июня.

И впервые за то утро мне пришло в голову, что первыми на моего ребёнка посмотрели не мы. Его уже осмотрели —

прочли, посчитали, вписали в календарь. Как старейшины в
лесхе. Только вежливее.

Интерлюдия. Марта

Устная история. Марта, 88 лет. Запись от субботы, 16 октября. Фрагмент.

* * *

Как сказала? Ой. Ну ты спросишь тоже.

Подожди, он пишет уже? Пишет. Ладно. Только ты потом вырежи, где я глупости говорю. Не вырежешь? Ну и правильно. Глупости — это самое интересное, я по себе знаю.

Значит, так. Это был март. Нет, вру — конец февраля, потому что снег ещё лежал, грязный такой, знаешь, как бывает в конце зимы, когда его уже никто не любит. Тогда ещё были зимы. Ну, ты знаешь.

Тест я купила в аптеке. Это такая полоска была, бумажная, в упаковке. Ты, наверное, не видела. На неё надо было... ну, ты поняла. И ждать три минуты. А если две полоски — значит, да. А если одна — нет. И вот я стою в ванной, а у нас ванная была крошечная, там кафель такой, голубой, с отбитым углом, и я смотрю на эту бумажку. Три минуты — это очень долго, оказывается. Я за эти три минуты прожила, наверное, три жизни. В одной я плакала от счастья, в другой — от ужаса, в третьей я уже была старая и рассказывала об этом какой-то девочке с диктофоном. Шучу. Хотя кто знает.

И вот — две. Вторая бледная такая, еле-еле. Я её к окну носила, на свет смотреть. Потом к лампе. Потом опять к ок-

ну. Потом купила ещё один тест — в другой аптеке, чтобы в первой на меня не смотрели. Глупо, да? Аптекарьше было всё равно. А мне казалось, что все на меня смотрят. Что у меня на лбу написано.

А Давид был на работе. Он работал до семи, а приходил в восемь, потому что пробки. Тогда были пробки, машины стояли и гудели, это... ладно, это ты знаешь, ты историк.

И у меня, значит, целый день. С одиннадцати утра до восьми вечера. Девять часов я одна это знала, одна на всём свете, ты понимаешь? Никто — ни мама, ни подруги, ни врач, ни Давид. Только я и эта бумажка, которую я в итоге положила в коробку из-под чая, чтобы он случайно не нашёл.

Я так всё придумала. Я хотела ужин сделать. Свечи поставить. Я даже свечи купила — на обратном пути из второй аптеки. Красные. Почему красные, не знаю, других не было. Я думала: он придёт, а тут свечи, ужин, и я ему так спокойно, красиво... Ну и что ты думаешь.

Курицу я сожгла. Потому что я всё время ходила к коробке из-под чая проверять, не исчезла ли вторая полоска. Я серьёзно, я раз пятнадцать ходила. Как будто она могла передумать. Курица сгорела, в квартире дым, я открыла все окна, а это февраль, и холод, и свечи задуло, и я стою в пальто посреди кухни и думаю: всё. Всё пропало. Какая из меня мать, я курицу не могу.

А тут он приходит. И знаешь, что самое смешное? Он пришёл в наушниках. Тогда были такие наушники, с проводом,

он в метро всегда футбол слушал. И вот он заходит, снимает ботинок — один, — смотрит на меня, я в пальто, в квартире дым, окна нараспашку, — и говорит: «Что случилось?» Громко так, потому что сам себя не слышит.

А я как стояла, так и сказала: «Я беременна».

А он: «Что?» В наушниках, понимаешь. Не слышит.

И мне пришлось повторить. Я, значит, весь день готовилась, свечи эти красные, и вот я стою в пальто посреди дыма и ору на весь подъезд: «Я БЕРЕМЕННА!» А соседка снизу потом месяц со мной здоровалась как-то по-особенному.

(смеётся)

А он... он вынул наушники. Медленно так. И сел. Прямо на пол в прихожей. В одном ботинке. Сидит и смотрит на меня снизу. И я вижу — у него там футбол ещё из наушников пищит, тоненько так, кто-то гол забил, а он не слышит. Сидит.

Потом говорит: «Правда?»

Я говорю: «Две полоски».

Он говорит: «Покажи».

И я пошла за коробкой из-под чая. И он смотрел на эту полоску дольше, чем я. Тоже к лампе носил. Представляешь? Прямо как я.

(пауза)

А потом он встал и сказал: «Я сейчас». И ушёл. В одном ботинке — нет, вру, второй он надел. И вернулся через сорок минут с ананасом. С ананасом! Я говорю: «Зачем?» Он гово-

рит: «Не знаю. Мне показалось, что надо что-то принести». И мы ели этот ананас на кухне, в пальто, потому что окна так и не закрыли, и холодно было ужасно. И это был лучший вечер. Я тебе честно говорю. Курица сгоревшая, свечи задуло, ананас этот кислый — и лучший вечер.

(пауза)

Ты знаешь, что я потом поняла? Уже потом, лет через двадцать. Мы три недели никому не говорили. Ни маме, ни его маме, никому. Договорились подождать. И эти три недели... Это было только наше. Мы ходили по улице, и никто на свете не знал. Ни одна живая душа. Ни одна — как это сейчас? — ни одна система. Мы шли мимо людей, и у нас была тайна. Я смотрела на Давида, он на меня, и мы улыбались, как дураки, и люди, наверное, думали, что мы пьяные.

Сейчас так не бывает, наверное? Сейчас же этот ваш ИИ всё знает раньше тебя.

(пауза)

Ну что ты молчишь. Я права? Ладно. Ты не отвечай, это я так. Старая уже, всё сравниваю. Мне внучка говорит: бабушка, ты всё сравниваешь. А как не сравнивать? Я же помню.

Слушай, а ты сама-то... Нет? А чего ты так на меня смотришь?

Ну ладно. Ладно. Не моё дело.

Выключи пока эту штуку. Давай я тебе лучше чаю налью. У меня есть хороший. В той самой коробке, представляешь, я её так и не выбросила. Полоску выбросила, а коробку нет.

* * *

Конец фрагмента.

Глава вторая. Всё решится

— А зачем их сбрасывать, — спросил Лео, — если их можно вылечить?

Он спросил это, не переставая раскачиваться на стуле, и в его голосе было лёгкое недоумение, без ужаса и без любопытства, как будто речь шла о человеке, который выбросил телефон, потому что у того села батарейка.

Мы сидели в кругу. Двадцать четыре стула и мой, двадцать пятый. Круг — это тоже рекомендация из методички для наставников: «в кругу нет первых и последних парт, нет иерархии, каждый голос равноценен». В кругу, правда, всё равно есть те, кто говорит, и те, кто молчит. Но методичка про это ничего не пишет.

— Их не умели лечить, — сказала я.

— Совсем?

— Совсем. Не было лекарств. Не было врачей в нашем смысле. Если ребёнок рождался слабым, больным, с какой-то... особенностью, никто не знал, что с этим делать.

— Можно было спросить, — сказал один из близнецов Ким. Ноа. Я различаю их по тому, кто первым начинает говорить: Ноа всегда первый, Джун всегда второй и всегда возражает.

— Кого спросить?

Ноа пожал плечами, как будто вопрос был странный.

— Ну. Кого-нибудь.

И я поняла, что он имеет в виду. Он имеет в виду то, что он сам делает каждый раз, когда чего-то не знает. Он спрашивает. Ему отвечают. Всегда. Мир, в котором спросить некого, для него так же непредставим, как для меня — мир без гравитации. Я могу его вообразить, но не могу в нём оказаться.

— Некого было спросить, Ноа. Были только люди. И люди тоже не знали.

— А как они тогда вообще что-то знали?

— Помнили. Пробовали. Ошибались. Рассказывали друг другу, что получилось, а что нет.

— Это же очень долго, — сказал Джун.

— Очень, — согласилась я. — Тысячи лет.

* * *

Сара, которая всё это время рисовала на краю своего экрана, подняла руку. Она единственная в классе поднимает руку. Никто её этому не учил — в кругу не нужно поднимать руку, — она просто так делает, и мне это ужасно нравится.

— А почему они ещё раньше не поняли? — спросила она. — Ну, когда ребёнок был в животе. Если бы они знали заранее, им бы не пришлось его сбрасывать.

Я почувствовала, что моя рука снова лежит на животе, и убрала её. Медленно, чтобы никто не заметил.

— Они не могли знать заранее. Никто не мог заглянуть внутрь. Ребёнок был тайной, пока не родится. Девять меся-

цев никто не знал — мальчик это или девочка, здоровый или нет, будет ли он вообще жить.

— Совсем никто?

— Совсем.

Сара задумалась. Потом сказала очень серьёзно:

— Это, наверное, было очень страшно.

— Наверное, — сказала я. — А может быть, и нет. Может быть, они к этому привыкли. Люди ко многому привыкают.

— Я бы не привыкла, — сказала Сара и вернулась к рисунку.

Я подумала о Марте. О том, что она мне ещё не рассказала, но расскажет — я была уверена, что расскажет, если спросить. И о том, что «тайна» и «страх» в моей голове вдруг оказались очень близко друг к другу. Как два слова, которые всю жизнь стояли на разных полках, а потом кто-то переставил их рядом.

* * *

Дальше всё пошло так, как идёт всегда, когда шестиклассникам дают тему, в которой есть смерть. Милан спросил, с какой высоты сбрасывали и выживал ли кто-нибудь. Ава сказала, что это отвратительно и она не хочет это обсуждать, а потом обсуждала больше всех. Кто-то нашёл на своём экране реконструкцию ущелья Апофеты и вывел её на общую стену — серые скалы, сосны, туман, всё очень красиво, как в рекламе горного курорта. Лео сказал, что спартанцы были просто тупые, раз не понимали, что из слабого мальчика может

вырасти кто-то полезный.

— Например? — спросила я.

— Ну, не знаю. Он мог бы стать... — Лео задумался. — Ну, ему бы нашли траекторию.

Он сказал это так просто. Ему бы нашли траекторию. Как будто траектория — это свойство мира, как воздух. Как будто у любого человека она есть по умолчанию, и её только нужно найти, а находить — это чья-то работа, не его.

— А если не нашли бы? — спросила я.

Лео посмотрел на меня с искренним удивлением.

— Так не бывает.

— В Спарте бывало. В Спарте была одна траектория. Воин. Всё. Если ты не годился в воины, тебе не было места.

— Это очень неэффективно, — сказал Ноа.

— Это плохая оптимизация, — поправил Джун, потому что Джун всегда поправляет. — Они отбрасывали людей, которые могли быть полезны в других задачах. Это ошибка в функции цели.

Несколько человек засмеялись, потому что это прозвучало очень по-взрослому. Джун покраснел, но был доволен.

А я подумала, что он, в сущности, прав. Он описал Спарту точнее, чем я на своём первом курсе. Ошибка в функции цели. Спартанцы оптимизировали одну вещь — способность полиса воевать — и всё, что не помогало этой одной вещи, было для них лишним. Дети. Женщины, которые не могли родить воинов. Старики, которые больше не могли держать

щит. Илоты — целый народ, который они держали в страхе, чтобы те кормили их, пока они воюют.

Только Джун считал, что это ошибка. А спартанцы считали, что это выживание. И были, вообще говоря, очень успешны. Двести лет никто не мог их победить.

— А кто решал? — спросила Сара, не поднимая головы от рисунка. На этот раз без руки. — Ну, кого сбрасывать.

— Старейшины. Самые старые мужчины рода.

— Они были самые умные?

— Они были самые старые.

Класс засмеялся. Сара тоже улыбнулась, но не подняла глаз.

— А если бы они ошиблись? — спросила она. — Если бы ребёнок был нормальный, а им показалось?

Я открыла рот и не знала, что сказать. Потому что ответ был — «тогда они сбросили бы здорового ребёнка, и никто никогда бы об этом не узнал». И это была бы правда. И это было бы слишком для шестиклассников в десять утра во вторник. И для меня тоже, как выяснилось.

— Давайте я вам кое-что расскажу, — сказала я вместо этого.

И рассказала про археологов. Про то, как несколько десятилетий назад группа учёных спустилась в то самое ущелье, которое сейчас висело у нас на стене в виде красивой реконструкции. Как они нашли там кости — много костей. И как все они оказались костями взрослых. Мужчин от восемна-

дцати до тридцати пяти. Ни одного младенца.

— Подождите, — сказал Милан. — То есть их не сбрасывали?

— Может быть, сбрасывали где-то в другом месте. А может быть, не сбрасывали вообще. Может быть, это легенда.

— А зачем тогда Плутарх это написал?

— Плутарх жил через семьсот лет после Ликурга. Он писал то, что рассказывали. А рассказывали это сами спартанцы. С удовольствием.

— Зачем? — Ава даже привстала. — Зачем рассказывать про себя такое, если это неправда?

И вот это был лучший вопрос за весь урок. Я ждала его. Я каждый раз жду его, когда рассказываю про Апофеты, и каждый раз он приходит от кого-то нового.

— А как вы думаете? — спросила я.

Двадцать четыре человека молчали. Я видела, как некоторые машинально тянутся к экранам, чтобы спросить, — и останавливаются, потому что это общее время, а в общее время экраны для вопросов закрыты. Это единственное правило, которое я ввела сама.

— Чтобы их боялись? — сказал наконец Ноа.

— Чтобы самим себе казаться сильными, — сказал Джун.

— Чтобы все думали, что они готовы на всё, — сказала Сара. — Даже если не готовы.

— Вот, — сказала я. — Иногда люди рассказывают о себе страшные вещи не потому, что делали их. А потому, что

хотят быть теми, кто мог бы.

Сара посмотрела на меня. Впервые за урок — прямо.

— А сейчас бы так никто не сделал, да? — спросила она.

— Ну, сбрасывать.

— Нет, — сказала я. — Сейчас бы так никто не сделал.

Прозвенел мягкий сигнал — общее время кончилось. Двадцать четыре человека встали, разошлись по своим тихим пространствам, к своим траекториям. Реконструкция ущелья погасла на стене.

Я сидела в пустом круге и думала, почему мне так не понравился мой собственный ответ. Он был правильный. Он был абсолютно правильный.

* * *

Домой я ехала той же дорогой, и на мосту снова посмотрела вниз. Ступени были на месте. Новые, светлые, с тёмной полосой ила. Вечером, против заходящего солнца, полоса казалась чёрной, как черта, которую кто-то провёл по линейке: здесь была вода. Внизу у самой реки стояли двое подростков и бросали камешки. Камешки не долетали и падали на сухой ил, на то место, где ещё весной надо было бы прыгать по воде. На экране в шаттле бегущая строка:

«...министр сельского хозяйства заявил, что запасов зерна достаточно, и призвал граждан не поддаваться панике...»

Я не видела никакой паники. Я видела, как женщина напротив меня закрыла глаза и улыбнулась чему-то в своём наушнике. Как мужчина у двери листает что-то с картинками

котов. Как два студента делят пополам один сэндвич. Никто никуда не бежал и ничего не скупал. Город был тихий, хорошо смазанный, и шаттлы шли друг за другом, как бусины на нитке.

Странно, подумала я, что министр говорит «не поддаваться панике», когда паники нет. Это как если бы тебе на улице сказали «не волнуйтесь» — и ты бы сразу начала волноваться.

* * *

Тим сидел в своём углу и не повернулся, когда я вошла. Это было нормально — когда он смотрит на экраны, он не поворачивается, это у нас давно решено и не обидно. Я сняла обувь, налила себе воды из-под крана — и вдруг остановилась со стаканом в руке. Посмотрела на воду. Обычная вода. Прозрачная.

— Тим, — сказала я. — Сколько это в сантиметрах?

— Что?

— Ступени. У моста. Там стало видно семь новых ступеней. Сколько это в сантиметрах?

Он повернулся. Посмотрел на меня, потом на стакан.

— Ты смотрела на ступени?

— Я каждый день мимо них езжу.

— Метр десять, — сказал он. — Примерно. Если ты про уровень реки с апреля.

Метр десять. Я стояла посреди кухни и пыталась это представить. Метр десять — это мне почти по пояс. Это стол. Это

ребёнок лет четырёх.

— Это много?

— Для реки? — Он улыбнулся. — Нормально. Бывало и ниже. Пару лет назад было ниже. Река — она дышит. То поднимается, то опускается.

— А водохранилище?

— Минус четыре в неделю. Я же говорил утром.

— Ты говорил «ничего страшного».

— Ну вот. Ничего страшного.

Я подошла к нему и встала за его плечом. На левом мониторе — та же схема района, синие вены. Но кое-где синий стал бледнее. Почти голубым. На правом мониторе — график: длинная линия, которая шла ровно, потом чуть вниз, потом снова ровно, потом снова чуть вниз. Как лестница. Как ступени у моста.

— Это что?

— Давление в северной зоне за месяц.

— Оно падает.

— Оно снижается, — поправил он. — Это разные вещи. Система снижает его специально, чтобы экономить. Когда давление меньше, меньше потерь в трубах. Это нормальная практика. Никто даже не замечает.

— Я заметила. Утром, в душе.

— Ну вот, а ещё десять человек на весь север, — сказал он. — Остальные не заметили.

Он сказал это легко, но свернул на правом мониторе ок-

но с графиком, и под ним оказался рабочий чат. Я видела, как он это сделал. Он сделал это, наверное, машинально, как машинально прикрывают ладонью письмо, когда кто-то подходит сзади.

— Тим.

— Ань. — Он развернулся ко мне вместе с креслом и взял меня за руки. — Всё в порядке. Правда. Воды хватит. На город хватит точно, у нас три водохранилища и подземные горизонты, и система управляет этим лучше, чем любой человек мог бы. Лучше, чем я. Она видит всё сразу: погоду, потребление, каждую трубу. Она перераспределяет, экономит, планирует на год вперёд. Если бы был риск — я бы знал. Первым.

— А если она... ошибётся?

— Она не ошибается.

— Так не бывает.

— Бывает, — сказал Тим. — Вот так — бывает. Посмотри: за семь лет, что я тут работаю, она ни разу не ошиблась. Ни одной аварии, которую она бы не предсказала. Ни одного района без воды. Ни разу. Люди ошибались — раньше, до неё, постоянно. А она — нет.

Я молчала.

— И потом, — сказал он мягче. — Переговоры же идут. Договорятся. Восемнадцатый раунд, девятнадцатый — какая разница. В итоге всё равно договорятся, потому что выбора нет. Всё решится, Ань. Всё всегда решается.

— Мой преподаватель говорил так же. Про первый раунд.

— И что?

— И ничего. Восемнадцать раундов.

Тим посмотрел на меня долго. Потом положил ладонь мне на живот — так же, как утром, на то место, где ещё ничего не было.

— Тебе теперь вообще нельзя об этом думать, — сказал он. — Это я буду думать о воде. Это моя работа. А ты думай вот об этом. Хорошо?

Это было очень нежно. И я согласилась, потому что это было нежно. И только потом, уже в душе, под слабой водой, поняла, что он сделал. Он разделил: вот это — твоё, а это — моё. Ребёнок — тебе, вода — мне. Как будто ребёнок будет пить что-то другое.

* * *

Я проснулась в три часа ночи. Не знаю почему. Может быть, это было оно, зёрнышко, — говорят, в первом триместре спишь то как убитая, то вообще никак. А может быть, меня разбудило отсутствие. На половине Тима было пусто и прохладно, одеяло откинута аккуратно, как он всегда делает, когда старается не разбудить.

Я вышла в гостиную. Он сидел в своём углу. Свет не горел — только три монитора, и от них на его лице лежал синий отсвет, как от воды в бассейне. На левом мониторе — схема района. На правом — тот самый график. Он не свернул его. Он сидел и смотрел на него — не работал, не печатал в чат,

не переключал окна. Просто смотрел. Как смотрят на человека, который спит, и прислушиваются, дышит ли.

Линия на графике шла вниз. Ступенька. Ровно. Ступенька.

Я стояла в дверях, и он меня не замечал. Я хотела спросить, что случилось. Я хотела сказать: Тим, ты же говорил, что всё в порядке. Я хотела подойти и положить руку ему на плечо. Вместо этого я сказала:

— Тим.

Он вздрогнул. Обернулся. И сразу, ещё до того, как увидел меня толком, — улыбнулся.

— Спи, — сказал он. — Всё в порядке. Я просто проверял.

— Что проверял?

— Ночные цифры. Ночью потребление минимальное, лучше всего видно, как сеть себя ведёт. Обычная работа. Иди спи, Ань. Тебе нельзя не спать.

Он встал, выключил мониторы — все три, по очереди, — и пошёл со мной в спальню. Лёг. Обнял меня со спины, положил ладонь на живот. Через пять минут он уже дышал ровно, как спят люди, которым нечего бояться.

А я лежала в темноте и думала про Сару. Про то, как она спросила: «А если бы они ошиблись?» И про то, как Тим сказал: «Она не ошибается».

И ещё я думала, что у него очень хорошо получается улыбаться сразу. Ещё до того, как он видит, кому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.